

Удивительно, но в 1841 году в Берлине опубликована статья некоего Эрмана, а к ней приложена карта, составленная тем самым Мейендорфом, с которым Мэрчисон начал своё путешествие по России, да вскоре расстался. Карты Мейендорфа и Гельмерсена очень похожи. А Эйхвальд, у которого не было своей карты, ворчал: «Господин Мэрчисон определил и описал только те горные формации в России, которые мы знали и до его приезда». Он считал, что Мейендорф дал Гельмерсену экземпляр своей карты перед тем, как отослать её Эрману. Но и Кокшаров, как мы помним, писал о том, что он передал Гельмерсену свою карту. О, как загадочна вся эта история с картами.

— Так кто же был первым?

— Читай Марка Твена: «Я был доволен тем, что смог ответить быстро, и я ответил. Я сказал, что не знаю».

— Вот бы найти кокшаровскую карту!

— Зачем? Единственный, кто не стремился во что бы то ни стало быть первым, — Кокшаров. Камни — это совсем другое дело.

Глубокой осенью 1840 года поручик Кокшаров направился к месту службы — в Екатеринбург, на монетный двор. Город был тогда, впрочем, как и теперь, горной столицей России. Дома, у родителей он снова стал Николенькой. Все деньги по-прежнему тратил на камни. Однажды в заснеженный Екатеринбург пришло письмо из Лондона в конверте с грифом «Почтовая служба Её Величества Королевы Великобритании». Вот что писал Мэрчисон: «Любезный Кокшаров! Пересмотрев и обсудив мои путевые заметки, я нашёл, что вы были правы». Обращение — «любезный Кокшаров». Потом будет неизменно — «мой милый Кок!» Кок, Петушок. Они переписывались всю жизнь. Тем не менее в своей капитальной работе 1845 года объёмом в 1700 страниц «Геология Европейской России и Уральских гор» с рисунками, гравюрами, литографиями, с геологическими разрезами по Донбассу, Уралу, Тиману, выполненными в акварели, он не напишет о своей ошибке. Кокшаров будет упо-

мянут только как один из составителей сводной геологической карты и автор списка всех уральских минералов.

Вскоре поручик Кокшаров командирован для сопровождения новой экспедиции Мэрчисона. На следующий день он уже мчался в Петербург на перекладных.

В конце сезона 1841 года в Петербурге Кокшаров получил страшный нагоняй от Чевкина: почему во всей

ПАБЛО ПИКАССО ПРОСИЛ ПЕРМСКИХ ГЕОЛОГОВ ПРИСЛАТЬ ЕМУ ВОЛКОНСКОИТОВУЮ КРАСКУ, ИСКАЛ ОЛИВКОВЫЙ ОТТЕНОК ЗЕЛЁНОГО ЦВЕТА

строгости не исполнил данной ему инструкции — ни на шаг не отходить от иностранцев? «В этих случаях, любезный друг мой, надо быть не только учёным, но и дипломатом». Представление к награждению поручика Кокшарова орденом Станислава четвёртой степени за успешную двухлетнюю командировку было отменено.

— Почему же?

Витя задумался.

— Многие считают, что Мэрчисон был шпионом.

Но на «шпионаж» у него просто не было времени. В конце лета, когда стало быстро темнеть, начинали работу в шесть утра, заканчивали в полутьме.

— Что вы видите? — спрашивал Кокшаров Мэрчисона.

— Почти ничего не видно, но зато всё слышно. Есть три звука от удара по камню молотком. Пифф-пафф-пуфф. Пифф — гранит. Пафф — известняк или песчаник. Пуфф — слышно, как звук тонет в глине.

Родерик засмеялся и снял с шеи лорнет с пятикратной лупой и серебряным карандашиком.

Перед отъездом на родину Мэрчисон заметил подавленность Кокшарова. Тот, конечно, ничего не стал объяснять. А Мэрчисон пробил для милого Кока загранкомандировку. В Германии —

изучение пермских отложений вместе с фон Бухом, направившим в Россию Мэрчисона, но главное — упоительные беседы о камнях с добродушнейшим минералогом Густавом Розе, работа на серебряных рудниках, изучение знаменитой минералогической коллекции в горной академии Фрайберга.

Бдительный Чевкин предписал Кокшарову отправиться во Францию, дабы изучать окаменелости. Вечера в Париже Кокшаров проводил с де Вернейлем в театрах. Всё-таки лучшим даровым спектаклем в Париже были его бульвары и улицы.

Потом — Британия. Мэрчисон сокращался:

— Мой милый Кок, я боюсь, что в Лондоне вы совсем забудете ваши науки. Англичанки хоть кого сведут с ума.

Генерал Чевкин, казалось, всё видел из Петербурга, бдительно следил за воспитанником. Кокшаров получил предписание: «Принимая в соображение, что дальнейшее пребывание в Англии при незнании английского языка не принесёт Вам желаемой пользы, предлагаю Вашему благородию, оставив эту страну, переехать прямо в Германию, где сначала осмотреть замечательные геологические коллекции в Бонне, Гейдельберге и Фрайберге, а потом, прибыв в Берлин, заняться в тамошнем университете изучением палеонтологии (тут Чевкин, наверное, задумался и махнул рукой), а также и минералогии».

В Германии Кокшаров основательно занялся камнями. Гумбольдт сказал ему:

— Теперь у вас есть возможность изучать вашу любимую науку.

— К сожалению, у меня уже нет времени.

Гумбольдт не поленился написать Чевкину, и командировка была продлена на год. Кокшаров усердно занимался в Берлинском университете, слушал лекции Густава Розе и кристаллографа Самуила Вейса, того самого, который открыл семь сингоний — кристаллографических систем.

Однажды на лекции Вейс подбросил минерал, схватил его на лету и спрятал в кулаке:

— Милостивые государи, кто скажет, что это за камень?